

ОН СМЕШАЛ газировку с персиковым соком, залпом выпил и прошелся по войлочному настилу.

— В этой комнате верхнее «ля» взять не смог бы. Тесна. А голосу нужен простор... — и улынулся. — Я это «ля» возьму там, на телестудии, а? Там оно должно получиться летучим и круглым.

— Это очень важно — брать верхнее «ля»? — спросил я.

— Задача у меня такая сегодня есть, — сказал он, — Диафрагма, она вещь серьезная. Без нее певец — старый граммофон.

И он начал рассказывать, как по утрам раздувает эту самую диафрагму (ложусь плашмя и пропускаю через рот тонкую струйку воздуха, пока не досчитаю до шестидесяти, затем на одном дыхании пою второй романс Демона — там бездна трудных нот. Вот такая кухня).

Я наблюдал «утреннего» Юрия, а есть еще, по его выражению, и «вечерний», концертный, и невольно любовался его через край брызжащей энергией, жизнерадостностью.

О народном артисте УССР, лауреате международного конкурса эстрадной песни, кавалере знака «Шахтерская слава» Ю. Богатикове можно сказать коротко: талантливый человек. Все в нем ладно сбито, подогнано, природа наделила его завидным душевным здоровьем.

Богатиков умеет заражать «своим» особым чувством, которое как бы наполняет каждого слушателя непреодолимым желанием запеть самому. Грусть у него — грусть, радость — радость. Все в чистом виде. Но упрекнуть артиста в прямолинейности было бы грешно.

— По-вашему, Юрий Иосифович, «шептун», «микрофонные певцы», — это недавняя мода, — люди слабые? Или в понятие «здоровье» вы вкладываете еще какой-то смысл?

— Певец, как мне кажется, должен иметь крепкие корни: отличную вокальную школу. И, конечно, нравственное здоровье. Я не люблю хлюпиков и «заумных». В них есть что-то ненастоящее. Себя выдвигать можно, но жизнь все ставит на свои места. Побеждают «здоровые» песни Бого-словского, Блантера, Дунаевского, «здоровые» голоса Отса, Магомаева, Гуляева.

...Есть эстрадные исполнители, которые с консерваторских «пеленок» сразу попадают на большую сцену. Обладают неплохими вокальными данными. Поют популярные у нас слишком требовательной публики песни. Такие певцы в конце концов рискуют творчески исчерпать себя.

Богатиков пришел на эстраду человеком, знающим жизнь, наполненным ею. Полугодные послевоенные годы. Он учился в ремесленном училище, потом работал телеграфистом.

— Думали ли вы стать певцом?

— Когда я в юношеские годы жил в Харькове, там в то время было очень популярно движение «народные таланты». Я много выступал в художественной самодеятельности, потом попал в класс к М. А. Красновой. Это была на редкость добрая и требовательная преподавательница. Затем — Тихоокеанский флот, где я служил в водолазной команде, пел в ансамбле. Ну

и, наконец, — оперетта, филармония в Харькове, шахтерский ансамбль «Донбасс» и сейчас — Ворошиловградская филармония, где я работаю солистом.

Богатиков скуп на разговоры о прошлом. «Что я стою сегодня — вот что имеет значение. То есть, что как певец я даю слушателю».

ВЕР- НОСТЬ ПЕСНЕ

Для меня, например, Богатиков заново открыл песню «Спят курганы темные...» Он словно был в этой степи, дышал ее терпким ковыльным ветром. Вложил в старую, запетую песню свою разудалую силу — и словно воскресил ее.

С этой песни начался Богатиков. И с нее начались «загадки» Богатикова, ибо он сумел увидеть то, что мало кто заметил до него.

— Первый раз «Спят курганы...» я исполнил в Ворошиловграде на Всесоюзном совещании проходчиков. Я не думал об опасности, подстерегающей меня: песня известная, и испортить ее ничего не стоило. У меня на том концерте было ощущение, будто пел я песню для тех, кому она посвящена. После концерта мне подарили шахтерскую лампочку.

— Исполняя песни на рабочую тему, вы, говоря языком фигуристов, выполняли «обязательную программу» или это уже стало для вас внутренней необходимостью?

— Да, да, необходимостью. Предложите летчику поменять штурвал самолета на баранку автомобиля — согласится ли? Сомневаюсь, «Пересаживаться» с песен о шахтерах, рабочих на иные, пусть даже и наимоднейшие, не имею желания. Измена искусству начинается с измены своим творческим убеждениям.

...Впервые Богатикова я увидел и услышал по телевидению. Он улыбался и как-то очень ловко обходил и переступал бутафорские ступени и заборчики. Они мешали ему, мешали свободно дышать пес-

ней. Когда я видел, как Богатиков борется с режиссерскими «находками», — засимпатизировал ему. Потом на одной из телестудий я слышал, как Богатиков попросил убрать фонограмму и дать ему возможность спеть «самому».

В перерыве он сказал мне: «Тяжелее всего выступать на телевидении, на тебя смотрит равнодушным глазом камера, не ощущаешь пульса зала».

Это стремление к естественности и непосредственности при большом таланте принесло свои результаты — Богатиков сегодня занял особое место среди мастеров эстрады, благодаря не только вокальным и сценическим качествам, но и качествам своего характера. Он любит общаться с людьми, не замыкаясь кругом поклонников...

— Да, люблю людей. Особенно тех, о ком пою. Шахтеров, рабочих. У меня среди них много друзей. Я их не «наблюдаю», а живу рядом, переживаю горечи и радости вместе с ними. Гриша Моцак, Володя Мурзенко — это парни-кремни. И мысли у них такие же основательные и интересные, как и характеры. Я бы сказал о них так: знатные шахтеры и знатные люди.

Володя Мурзенко сказал мне однажды: «Когда я собираюсь устанавливать рекорд, то хочу еще и проверить свои человеческие ресурсы, свой предел». Эта Володина мысль очень понравилась мне. Мой рекорд, считаю, найти такую песню, которая бы талантливо и правдиво раскрыла внутренний мир близких мне рабочих людей.

— И вы идете к композиторам?

— Иду и требую — пишите. Имею ли я право требовать? Я ведь только исполнитель. Так до недавнего времени было. Сейчас моя работа построена по-другому: композитор, поэт и я — соавторы. Юрий Саульский, Людмила Лядова, Александра Пахмутова, Александр Билаш — с ними я в тесном творческом контакте. Вместе мы работаем над песней, спорим, какой ей быть. И нередко случается, что я выпускаю песню «первым экраном».

— Юрий Иосифович, представьте себе, что вы сидите в зале, а на сцене выступает Богатиков. Что бы вы сказали о нем?

— У слушателя Богатикова к певцу Богатикову есть немало претензий. Один Богатиков хотел бы петь в опере. Другой — только песни. Но, как говорят, за двумя зайцами погоняться... Все-таки я отдаю предпочтение «песенному» Богатикову. Песня сильнейший жанр, и в нем человек может проявиться с максимальной выразительностью. И еще: посоветовал бы Богатикову побольше петь хороших гражданских песен.

А. РОГИНСКИЙ.

Донецк.